

ЧУМНОЙ БУНТ 1771 Г. В МОСКВЕ ПО СВИДЕТЕЛЬСТВАМ ОЧЕВИДЦЕВ

Павел Алексеевич Лукьянов

выпускник церковно-исторического отделения
Московской духовной академии 2010 г.
pochta_paul@mail.ru

Для цитирования: Лукьянов П. А. Чумной бунт 1771 г. в Москве по свидетельствам очевидцев // Церковный историк. 2020. № 1 (3). С. 225–253. DOI: 10.31802/СН.2020.3.1.013

Аннотация

УДК 94(47+57)Р

В тексте статьи представлены свидетельства очевидцев народных волнений, происшедших в Москве в период с 15 по 17 сентября 1771 г. и получивших название «Чумного бунта». Это событие примечательно несколькими историческими моментами, главным из которых было убийство московского архиепископа Амвросия (Зертис-Каменского), которого бунтовщики обвиняли в ограблении (образа) Богородицы и призывах соблюдать карантинные меры, установленные государством для противодействия распространению эпидемии чумы. Для более чёткой реконструкции исторической картины исследователем предпринят анализ текстов четырёх авторов, непосредственных участников тех событий: рапорты императрице Екатерине II генерал-поручика Петра Дмитриевича Еропкина, описание бунта протоиереем Петром Алексеевым, письмо неизвестному адресату от племянника убитого архиепископа [Амвросия] Николая Николаевича Бантыш-Каменского и анонимное письмо, опубликованное в журнале «Русское слово».

Ключевые слова: Чумной бунт, архиеп. Амвросий (Зертис-Каменский), П. Д. Еропкин, Н. Н. Бантыш-Каменский, прот. Петр Алексеев, Варварские ворота, Чудов монастырь, Донской монастырь.

Грозные события нашего времени побуждают многих обратиться к делам давно минувших дней в поисках прецедентов и схожих случаев, и в особенности к истории нашего Отечества.

Одной из таких ярких, но трагичных страниц российской истории является эпидемия смертельной болезни, случившаяся в Москве в 1771 г. в царствование императрицы Екатерины II. Большая часть специалистов называет эту болезнь чумой, однако же в официальных документах того времени авторы избегают этого определения. В дальнейшем тексте я буду придерживаться общепринятого именованья.

Народные возмущения 15 и 16 сентября 1771 г. в последующем приняли название «Чумного бунта». На первый взгляд, эти события не сильно выделяются среди прочих народных волнений XVIII в. и предшествующих столетий, однако при более внимательном изучении выявляется уникальность этого случая. Во-первых, сам бунт проходил в условиях усиливающейся эпидемии смертельной болезни; во-вторых, поводом к возмущению послужили действия церковных властей; в-третьих, насильственная смерть московского архиерея, послужившая кульминацией мятежа, до тех пор не имела прецедентов; в-четвёртых, мятеж был подавлен крайне ограниченными силами.

При изучении любого исторического события особенную ценность для специалистов представляю свидетельства очевидцев, и потому в дальнейшем в статье будут рассмотрены воспоминания о московских событиях, записанные непосредственными участниками или же свидетелями, «самовидцами» событий. Всего удалось обнаружить 4 текста разных авторов, которые позволяют в подробностях реконструировать ход и детали произошедшего.

Первым источником являются рапорты императрице Екатерине II непосредственного участника описываемых событий Петра Дмитриевича Еропкина. При начале эпидемии он был сенатором 5-го департамента Сената, возглавлял Главную соляную контору, а 25 марта 1771 г. императрица поручает ему «надзирание в Москве здравия всего города»¹. С распространением эпидемии увеличивались его полномочия и количество сотрудников (последнее, впрочем, было весьма ограниченным). Интересно, что в рапортах с апреля 1771 г. Еропкин подписывается

1 Высочайшия собственноручныя письма и повеления блаженной и вечной славы достойной государыни императрицы, Екатерины Великия, к покойному Генералу Петру Дмитриевичу Ерапкину (sic! – *Ред.*) и всеподданнейшия его донесения, в трех Отделениях: собранныя и с Высочайшего дозволения в печать изданныя Коллежским Советником Яковом Ростом / сост. Я. И. Рост. М., 1808. С. 1.

военным званием – генерал-поручик. Случайность привела к тому, что во время мятежа он остался главным лицом, представлявшим государственную власть в зачумлённом городе, однако тем ценнее его свидетельства. Основным источником информации служат два его рапорта: о бунте и его подавлении от 18 сентября 1771 г., а также дополнительный от 19 сентября. Это – самое раннее свидетельство о бунте, написанное буквально «по горячим следам». Впрочем, особенности написания данного документа не способствуют раскрытию деталей, а текст более полно отражает не ход бунта, а процесс его подавления. Главное, о чём автор рапорта упоминает лишь косвенно: московский генерал-губернатор, граф Петр Семенович Салтыков в дни бунта отсутствовал в Москве, уехав в своё подмосковное имение, вследствие чего Петр Дмитриевич остался главным представителем государственной власти в городе.

Следующее свидетельство – это «Описание московского бунта 1771 года сентября 15 дня, составленное протоиереем Петром Алексеевым». Автор его достаточно известен своими трудами: под самим текстом он подписался аббревиатурой К. П. А. – «катехизатор Петр Алексеев». В то время так называли профессоров богословия Московского Университета. Сам по рождению москвич, он окончил Славяно-греко-латинскую академию и с 1752 г. служил в кремлёвских соборах: сперва диаконом, затем священником Архангельского собора, потом, с 1764 г., ключарём Успенского собора. От чумы умер протоиерей Архангельского собора Иван Комаровский, и на его место архиепископ Московский Амвросий (Зертис-Каменский) представил Св. Синоду кандидатуру Петра Алексеева; впрочем, указ о его назначении последовал только 11 ноября, спустя два месяца после бунта². Это показывает, что Петр Алексеев пользовался доверием своего архиепископа и, по всей вероятности, был близок к нему. По особенностям текста, «Описание» является рассказом о бунте, изложенном в письме к кому-то из знакомых о. Петра. Написано оно не позднее конца сентября (поскольку в начале автор употребляет выражение «сего месяца») и после 20-го («а 20-го числа услышал я, что он еще жив»). В тексте есть точное указание: «Я вчерашнего числа в том монастыре служил обедню по причине отпевания г. Стрешнева Петра Ивановича»³, но, к сожалению, дату его

2 См.: Розанов Н. П. Петр Алексеевич Алексеев, протоиерей Архангельского собора в Москве и его время. М., 1869. С. 1–8.

3 Алексеев П. А., прот. Описание московского бунта 1771 года 15 сентября, составленное протоиереем Петром Алексеевым // Русский архив. 1863. Вып. 12. С. 913.

погребения выяснить не удалось (скончался П. И. Стрешнев 5 сентября). Что касается достоверности изложенной информации, лучше обратиться к словам автора:

«Описанным здесь печальным приключениям, как не всем я был самовидец (очевидец)... но по большей части от слуха принятое положил на бумагу, то и не уверяю вас точно, чтоб всё было описано без ошибки, а особливо в рассуждении числа людей или обстоятельства мест»⁴.

Третий источник – анонимный, но текст позволяет безошибочно определить его автора, которым является Николай Николаевич Бантыш-Каменский, племянник убитого архиерея (мать Н. Н. Бантыш-Каменского была родной сестрой архиепископа). Он был свидетелем и непосредственным участником событий, пострадал от бунтующих (из-за побоев лишился слуха до конца жизни). Его воспоминания наиболее подробны и ценны. Однако, вследствие перенесённых потрясений, многие эпитеты, которыми он награждает мятежников, чересчур экспрессивны даже для нашего времени. Текст является письмом, адресат которого неизвестен; автор обращается к нему: «Любезный друг!» Текст датирован в надписании следующим образом: «31 октября 1771 года из Москвы пущенное от 21 сего месяца письмо»⁵. Написанное спустя месяц после трагических событий письмо некоторое время задержалось, вероятно, из-за карантинных мер, в которых выдерживалась и почта. По свидетельству современников, вторую часть своей фамилии он присоединил к первой именно в память погибшего дяди, бывшего его благодетелем⁶.

И последний, четвёртый, источник – это анонимное письмо, опубликованное в числе прочих материалов по истории Чумного бунта в журнале «Русское слово». Предоставлено оно было П. Г. Славинским и получено им по наследству. Написано оно ещё во времена свирепствовавшей чумы, точно после 4 октября, когда было погребено тело архиепископа, и, по всей видимости, ещё до начала основных действий графа Г. Г. Орлова, прибывшего в Москву 26 сентября: «Будем ожидать: что-то граф Григорий Григорьевич сделает!». Точно атрибутировать

4 Алексеев П. А., прот. Описание московского бунта 1771 года 15 сентября, составленное протоиереем Петром Алексеевым // Русский архив. 1863. Вып. 12. С. 915.

5 Куприянов И. К. Материалы для истории чумы в Москве и убиение архиепископа Амвросия 1771 года // Русское слово. 1860. Ноябрь. С. 257.

6 См.: Вигель Ф. Ф. Записки. М., 2000. С. 35.

данный текст не представляется возможным: автор его – настоятель одного из московских монастырей. В тексте говорится:

«В моем монастыре нашла чернь деревенская Боголюбскую Богоматерь, и прислали доношение ко мне, чтобы отпустить образ для молебствия. Был с доношением из слободы, из заразительного места; и так я, его не впусая на подворье, чрез попа отказал»⁷.

Можно сделать предположение, что автором является находившийся на покое епископ Сильвестр (Страгородский), но прямых свидетельств в пользу данной версии обнаружить не удалось.

В кратком изложении события бунта происходили следующим образом.

15 сентября вечером случился конфликт у Варварских ворот, откуда толпа пошла в Чудов монастырь. Архиепископ Амвросий бежит в Донскую обитель. Чудов и Кремль в руках бунтующих, монастырь и кельи архиепископа разграблены.

16 сентября. Утром архиепископ пытается получить разрешение на выезд из города, однако уехать не успевает: в монастырь вламывается толпа, которая ищет архиерея для расправы. Найдя Амвросия в алтаре собора, бунтующие выводят его за ограду и затем убивают. Другая часть бунтовщиков громит карантин и выпускает больных. П. Д. Еропкин принимает командование, вводит в город Великолуцкий полк, берёт штурмом Кремль. Бунтовщики собираются у Варварских ворот и идут к Кремлю. Попытки мирных уговоров оказались безрезультатны, после чего толпа мятежников была рассеяна картечью и ружейным огнём.

Что же стало причиной бунта? Еропкин:

«Народ, негодуя доднесь на все... учреждения о карантинах и других осторожностях, озлились, как звери...»⁸

Алексеев:

«При всей жестокости моровой язвы... в царствующем сем граде грех ради наших открылося преужасное и слезам достойное кровопролитное позорище...»⁹

Бантыш-Каменский:

7 Куприянов И. К. Материалы для истории чумы в Москве // Указ. соч. С. 264.

8 Высочайшая собственноручная письма. С. 84.

9 Алексеев П. А., прот. Описание московского бунта 1771 года 15 сентября // Указ. соч. С. 910.

«По причине усилившейся здесь болезни все, не токмо привязанные к делам бояре, но и те, коим поручено управление города, разъехались по деревням; на дворах остались одни холопы, и те голодные. Раскольники и чернь негодовали на учреждение карантинных домов, запечатание бань, непогребение мертвых при церквях и прочие комиссией учрежденные распоряжения»¹⁰.

Таким образом, обстановка в городе перед бунтом была достаточно напряжённой. Предпринимаемые против болезни меры были крайне непопулярны среди простого народа, подозревавшего в них злой умысел.

Началом бунта стали события у Варварских ворот Китай-города. Вот как о них рассказывает Еропкин:

«В злодействе сем находились боярские люди, купцы, подьячие и фабришники, а особливо раскольщики, рассеивая плевелы, что они стоят за Богородицу, нашед образ на Варварских воротах, сказывая, что он явленный, к которому толпами ходят молиться; архиерей несчастливый, видя, что от такой молитвы заражаются опасной болезнью, послал своего эконома и секретаря запечатать ящики денежного сбора: то сие и произвело... смятение»¹¹.

Из фактов, излагаемых Еропкиным в рапорте, следует: при образе Богородицы на Варварских воротах устраивались массовые моления. Образ был провозглашён (кем, неизвестно) «явленным», т. е. имел место рассказ о чуде явления иконы; источником рассказа был простой народ. В молитвах принимали участие люди разных сословий, собирались пожертвования. Поскольку архиерей послал своих людей опечатать ящики, инициатива народных молений и сбора принадлежала не ему (потому что архиерейской печати на ящиках не было). Виновниками и зачинщиками бунта Еропкин считает раскольников, которые на протяжении всего XVIII в. находились в оппозиции государственной власти. Однако странно, почему московский архиерей посылает своих людей опечатать пожертвования, если инициаторами молений и сбора являлись староверы, и каким образом опечатывание ящиков денежного сбора должно было препятствовать распространению эпидемии? Деталей добавляет рассказ священника Петра Алексеева:

«В 9-м часу пополудни, когда пришли от архиерея московского посланные к Варварским воротам для счёта денег, собранных при образе

10 *Куприянов И. К.* Материалы для истории чумы в Москве // Указ. соч. С. 257.

11 Высочайшая собственноручная письма. С. 85–86.

Пресвятой Богородицы Боголюбской, что над воротами, и для запечатания оных консисторской печатью, канцелярист консисторский и 7 человек солдат, данных на то от г. Еропкина; и как подьячий снял печать купцову от сундука с деньгами, то и сделался нелепый крик от народа, нароком туда заранее собравшегося и ожидавшего уже не только присыльных от архиерея, но и его самого архиерея. Потом били подъячего и солдат, и их перевязали, из коих иные и померли»¹².

Эти сведения следует признать достоверными в высокой степени, поскольку в прибавлении к своему рассказу Алексеев пишет:

«Мне за полчаса до начала бунта случилось ехать из гостей... и по дороге заехал к Варварским воротам с женой и сыном; куда за множеством якобы народа нас не пропустили, и так я, вышед из коляски, подошел для просмотра образа, и застал при том несколько куч народа между собой злосовещавшихся. Из одной шайки злодеев вышел некий майор, мною незнаемый, но меня знающий, попрося благословения и назвавши меня по чину, спрашивал: Скоро ли будет сюда Преосвященный? Я ответствовал: Не знаю. – У него-ста и карета уже подвезена к крыльцу. Я и на то ответ дал тот же, а приметя, что это значит, тотчас возвратился к своей коляске, где меня фамилия ожидала»¹³.

Итак, из рассказа священника с точностью выясняется, прежде всего, время бунта: после 20 часов. Он точно указывает вид образа: Боголюбская икона Божией Матери. Действительно, этот образ, один из древнейших на Руси, почитается и раскольниками, и православными. Для счёта денег и опечатывания их архиереем был послан сотрудник консистории в сопровождении 7 солдат, присланных специально для этого П. Д. Еропкиным, значит, последний был в курсе происходящих событий и намерений архиерея. Не стоит обманываться малым числом солдат: ранее, в письме от 20 августа императрица отдавала под начало Еропкина 100 рядовых и 6 «исправнейших» офицеров Великолуцкого полка¹⁴, так что фактически генерал-поручик выделил архиерею 1/15-ю часть своих сил. Счёт и опечатывание пожертвований показывают, что в дальнейшем эти деньги должны пойти в распоряжение архиерея. Однако сбор производился упорядоченно: на сундуках

12 Алексеев П. А., *прот.* Описание московского бунта 1771 года 15 сентября // Указ. соч. С. 910–911.

13 Там же. С. 916.

14 Высочайшая собственноручная письма. С. 54.

для пожертвований имелась печать какого-то купца, и при воротах находился представитель государственной власти в высоком офицерском чине. Печать была «купцова». Это может говорить в пользу сведений генерал-поручика о том, что сбор был устроен старообрядцами, поскольку многие купцы придерживались старой веры. Народ к образу собрался специально, «нароком», и ждал приезда московского Преосвященного – впрочем, неясно, зачем архиерей должен был приехать к иконе в столь позднее время и чего именно ждал от него простой люд. Сигналом к действиям стал «нелепый крик», после чего появились первые жертвы бунта – избитые (и даже до смерти) толпой подьячий и солдаты. Дополняющий рассказ отца Петра о посещении им образа незадолго до бунта крайне интересен. Коляску священника на площадь «не пропустили», – значит, движение на площади регулировалось, а учитывая дополнение «якобы за множеством народа», – возможность проехать всё-таки была. С какой же целью почтенный ключарь Успенского собора в вечернее время, возвращаясь из гостей с семьёй, решает заехать к образу на Варварских воротах? Указанное «для просмотра» при анализе выглядит достаточно нелепо: почтенный священник, ключарь Успенского собора Кремля, родившийся и выросший в Москве, не видел этой иконы? Возможным объяснением его поступка может служить то, что священник заехал к иконе помолиться и/или приложиться к ней. Характеристики присутствующих как «злосовещавшихся куч народа» и «злодеев» могут объяснить, почему о. Петр решил оставить жену и сына в коляске. Следует заметить, что никаких действий против священника собравшиеся не предпринимали, напротив, отделившийся от «злодеев» офицер ведёт себя крайне вежливо, он знает о. Петра и берёт у него благословение. Собравшиеся у Варварских ворот информированы кем-то о намерениях архиерея и о том, что карету Преосвященного уже подали к крыльцу.

Самый подробный рассказ о событиях у Варварских ворот изложен Николаем Николаевичем Бантыш-Каменским. Из некоторых оговорок в его письме можно сделать вывод, что во время эпидемии или же непосредственно перед бунтом он был у своего дяди, архиепископа Амвросия, в Чудовом монастыре. Таким образом, предысторию мятежа мы получаем буквально из первых рук. Сперва он говорит о том, что духовенство Москвы стало устраивать ежедневные крестные ходы «не столько из святости, сколько из корысти»¹⁵, однако вскоре их прекратили по причине многочисленных смертей участников, «как им

15 Куприянов И. К. Материалы для истории чумы в Москве // Указ. соч. С. 257.

было предсказано от архиерея» (здесь надо заметить, что в анонимном источнике автор прямо говорит, что крестохождение было запрещено указами¹⁶). Но некоторое время спустя «праздность, корыстолюбие и проклятое суеверие прибегло к другому вымыслу. В начале сентября поп у Всех Святых, что на Куличках, выдумал чудо с помощью фабричного. На Варварских воротах древний был большой образ Боголюбской Богоматери. Вдруг начались тут молебны и всенощные»¹⁷. Со слов Н. Н. Бантыша-Каменского, чудо заключалось в следующем: работнику фабрики во сне явилась Богородица и сказала, что поскольку у Её образа на Варварских воротах уже 30 лет не только молебнов не пели, но и свечи не зажигали, Христос хотел побить Москву каменным дождём; однако Богородица упросила Сына заменить кару на трёхмесячный мор. Этот сон фабричный рассказал священнику храма Всех святых на Кулишках.

«Не токмо чернь, но и купечество, а особливо женский пол, слушая таковые рассказы фабричного, приседающего у Варварских ворот и собиравшего деньги с провозглашением: “Порадейте, православные, Богоматери на всемирную свечу”, – взапуски старались изъять свою набожность. Мерзкие козлы (и попами их грех назвать!), оставив свои приходы, собирались тут с налоями, делая торжище, а не богомолье»¹⁸.

Узнав о происходящем, архиепископ Амвросий, находившийся «взаперти» в Чудовом монастыре по причине распространения болезни, решил пресечь происходящее:

«Первое его намерение было удалить оттуда попов, а икону перевести... в Кира и Иоанна церковь, а собранные деньги употребить на богоугодные дела»¹⁹.

Однако духовенство отказалось повиноваться своему архипастырю!

«Требуемые в консисторию попы не только отреклись идти, но еще и угрожали присланным побить их камнями»²⁰.

Сложившаяся ситуация требовала решения, поскольку эпидемия в городе чрезвычайно усилилась, а подобные собрания народа только провоцировали распространение болезни. «Не мог обойтись

16 Куприянов И. К. Материалы для истории чумы в Москве // Указ. соч. С. 264.

17 Там же. С. 257.

18 Там же. С. 257–258.

19 Там же. С. 258.

20 Там же. С. 258.

Преосвященный, чтобы о способах к прекращению у Варварских ворот народного сходбища не посоветоваться с господином Еропкиным, который один только в городе и был начальник. Страх, дабы не обратиться на себя простолюдинов, произвёл у них такое по делу решение, чтоб оставить до времени перенесение иконы; а дабы собираемые у Варварских ворот деньги через фабричных не могли быть расхищены, то приложить к ящикам консисторскую печать; для безопаснейшего исполнения сего дела обещал г. Еропкин прислать от себя нескольких солдат Великолуцкого полка»²¹, что и было сделано.

«15 числа сентября, в 5 часов пополудни, пришла в Чудов реченная команда, из 6 солдат и одного унтер-офицера состоящая. С сими военными людьми посланы были к Варварским воротам в надежде, что простой народ разошелся, двое подъячих с консисторской печатью и третий поп, зачинщик чудес, который того дня был допрашиваем о чуде в консистории. Но прежде нежели пришла команда к воротам, плац-майор был уже предуведомлен о том, видно от попа всехвятского, с которым он и делился сборами денежными. Он приложил к денежным сундукам свои печати, и разгласив, что ввечеру сам архиерей будет к воротам брать оную икону, вооружил всех кузнецов, у Варварских ворот находившихся, и других приходящих для богомоления, и ожидал уже в готовности вступить с присланными в бой. Что плац-майор всему бунту начало, в том успенский ключарь и подъячий консисторский неложные свидетели, ибо, во-первых, когда по случаю ехал мимо Варварских ворот ключарь, то спрашивается от плац-майора, скоро ли-де ваш архиерей будет брать икону; потом, когда и команда была прислана из консистории, то нашла уже вооруженную большую толпу народа. Едва только хотел подъячий приложить консисторскую печать к сундукам, как вдруг дан был голос: “Бейте их!” Солдаты, обороня подъячих, были перебиты. Драка сделалась ужаснейшая. Сбежавшимся со дворов людям сказано было от батальонных солдат, что грабят икону»²².

Итак, в рассказе Николая Николаевича картина произошедшего сильно меняется. Прежде всего, массовые моления при образе устраивали не раскольники, но, наоборот, православные священники. Следует учесть, что архиепископ Амвросий к тому времени уже около трёх лет вёл борьбу с собранием безместных (не имевших своего прихода)

21 Куприянов И. К. Материалы для истории чумы в Москве // Указ. соч. С. 258.

22 Там же. С. 258–259.

священников на Спасском крестце²³ и не снискал любви подчинённого духовенства. Картину противостояния архиерея и московского клира мы видим и в этой истории. Теперь понятно, почему архиерей считал себя вправе опечатать сбор (производимый его подчинёнными), тем более что суммы его, по всей видимости, были весьма значительными. О замысле Преосвященного перенести икону, по всей видимости, стало известно священникам. Данная мера, с одной стороны, упорядочивала совершение богослужений, с другой стороны, лишала заработка духовенство, собиравшееся на площади. С формальной точки зрения, судя по всему, богослужения совершались упорядоченно: присутствовал плац-майор (помощник коменданта, наблюдающий за караулами), порядок обеспечивали, по всей видимости, упоминавшиеся «батальонные солдаты»²⁴, ящики сбора были опечатаны печатью государственного лица. Таким образом, нарушений формально было два: это отсутствие разрешения на проведение богослужений от архиерея и нецерковная печать на сундуках с пожертвованиями. Виновниками произошедшего Николай Николаевич прямо называет «всехсвятского попа» и плац-майора. Возможно, Преосвященного на площади ждали в надежде испросить у него разрешение оставить икону на прежнем месте, но следует учитывать, что архиерея ожидала уже вооружённая толпа. Простому народу были неизвестны тонкости отношения Амвросия и духовенства: попытку консисторских служителей опечатать ящики сбора и сопровождавшую их команду солдат видели, по всей вероятности, многие собравшиеся на площади, и потому клевета о том, что «грабят Богородицу», так легко была принята собравшимся народом.

Далее события развивались стремительно. По рассказу Петра Алексева:

«Между тем бунтовщики послали своих на колокольню церкви Всех святых, что на Кулишках, и ударили в набат, также и на других окрестных церквях и колокольнях, отчего пошла тревога во всем городе. По набату, особливо городскому и трещоткам, на то по тайно учиненным от бунтовщиков повесткам, сбежалось бесчисленное множество черни с топорами, кольями, камнями, кистенями и другими разбойническими орудиями, и пошли нарядным делом к Чудову

23 См.: *Забелин И. Е.* История города Москвы. М., 1990. С. 143.

24 Ранее, в письме от 20 августа, императрица дозволила Еропкину набрать Полицейский батальон из добровольцев. См.: Высочайшая собственноручная письма. С. 54–55.

монастырю с великим азартом, грозя убить архиерея и каких-то трех генералов»²⁵.

Это подтверждает и Н. Н. Бантыш-Каменский:

«Вдруг ударили в набат в приходских церквах, потом на Спасских воротах в городской набат, а наконец и во всем городе. Народ бежал к Варварским воротам с дубинами, кольями, топорами...»²⁶

Таким образом, из слов Алексеева следует, что бунт был не случайным, а подготавливался распространением каких-то «повесток». Поскольку в набат ударили по церквям, участие духовенства в мятеже также не вызывает сомнений, причём зачинщиком набатного звона стал храм Всех святых на Кулишках. Судя по всему, местом сбора бунтующих были назначены именно Варварские ворота, и уже оттуда «нарядным делом», т. е. упорядоченно и организованно, пошли к Чудову монастырю. Угрозы собравшихся выявляют ближайшие цели бунта: это убийство архиепископа и генералов. Под генералами, по всей вероятности, имелись в виду П. Д. Еропкин, носивший звание генерал-поручика, и генерал-губернатор Москвы П. С. Салтыков. Перечисленное вооружение мятежников косвенно свидетельствует о том, что собравшиеся не были законопослушными людьми: топоры, дубины и особенно кистени (их можно было носить скрытно) были обычными орудиями «лихих людей».

Далее начинается печальная история последнего путешествия московского архиерея.

«О таком смятении и бунте услышав, владыка немедленно поехал из Чудова со мной и в моей карете к Михайле Григорьевичу Собакину (помощник Еропкина), в надежде там переночевать. <...> Мы застали его больного, в постели, и от набата в великий страх пришедшего. Мы принуждены были его оставить и совет положили, оттуда ехать к г. Еропкину; но как только от г. Собакина со двора выехали, то он приказал мне взять себя в Донской монастырь. <...> В 10 часов приехали мы в Донской монастырь, в ожидании конца начавшемуся в городе смятению»²⁷.

Узнав о неудаче посланных к Варварским воротам, архиерей уехал из Чудова монастыря в карете своего племянника; по всей видимости,

25 *Алексеев П. А., прот.* Описание московского бунта 1771 года 15 сентября // Указ. соч. С. 911.

26 *Куприянов И. К.* Материалы для истории чумы в Москве // Указ. соч. С. 259.

27 Там же. С. 259.

он знал или догадывался, что мятежники хотят его убить, и предпринимал меры предосторожности, поэтому взял карету Николая Николаевича. Попытка переночевать у тайного советника Собакина, который был императрицей назначен в помощники Еропкину 8 августа, была неудачной; впрочем, о том, что в доме Собакина оказалась «опасная болезнь», Еропкин известил императрицу ещё 3 сентября²⁸. По всей вероятности, архиерей, безвыездно находившийся в Чудовом монастыре, не знал об этом. С другой стороны, можно допустить его намерение спрятаться в заражённом доме, который бунтовщики вряд ли стали бы обыскивать. То, что архиепископ не поехал к Еропкину, легко объяснимо: мятежники не могли обойти своим вниманием единственного начальника Москвы и, безусловно, намеревались его убить, о чём Преосвященный знал или же догадывался. К тому же в своём рапорте П. Д. Еропкин прямо пишет о том, что к моменту подавления бунта он «был двое суток безысходно на лошади, объезжая разные места города, не имея через всё то время ни сна, ни пищи»²⁹, так что найти его было весьма затруднительно.

Стоит обратить внимание, как Н. Н. Бантыш-Каменский и священник Алексеев описывают происходившее на улицах Москвы в то время.

«Толпами народ бежал, крича, будто грабят Боголюбскую Богоматерь; все были, даже до ребят вооружены, и все как сумасшедшие, в чем стояли, бежали, куда их стремление к убийству и грабительству влекло»³⁰.

«Ночь на 16 число не можно изобразить, как была страшна всему граду, потому что в набат били беспрестанно бунтовщики у многих церквей, и в Чудове монастыре, и в городской, а как не видно нигде пожара, то не знали сперва обыватели, на что подумать: иной говорит, что пришли турки, иной сказывает, что Богородицу грабят, и бежали со всех стран в город злодеи с разбойническим оружием, отчего все обыватели в трепете и отчаянии были»³¹.

Таким образом, как бы это ни было странно, главным лозунгом Чумного бунта был крик «Грабят Богородицу!»; притом не только в Чудовом, но и на улицах города было много вооружённых людей.

28 См.: Высочайшая собственноручная письма. С. 79.

29 Там же. С. 87.

30 *Куприянов И. К.* Материалы для истории чумы в Москве. С. 259.

31 *Алексеев П. А., прот.* Описание московского бунта 1771 года. С. 914.

Тем временем Чудов монастырь был буквально взят штурмом и разграблен бунтующей толпой.

«Туда прибежав в 10-м часу, выломали ворота, что против Ивановской колокольни, и прямо в кельи архиерейские вломившись, искали преосвященного»³².

О том же свидетельствует и Н. Н. Бантыш-Каменский, добавляя, что архиерея восставшие искали, чтобы убить: «Обратившаяся от Варварских ворот чернь устремилась ночью на Чудов монастырь и, разломав ворота, искала везде архиерея, грозя убить его»³³, что подтверждает и Еропкин:

«Сделали настоящий бунт, вбежав в Кремль и разоряя архиерейский дом, искали убить его»³⁴.

В Чудовом мятежники нашли младшего брата архиепископа Амвросия, архимандрита Воскресенского монастыря Никона, приехавшего для лечения. По словам Бантыш-Каменского:

«Чернь, нашедши его и почитая архиереем, совсем ограбила и хотя до смерти не убила, однако он со страху в уме помешался и скоро умер»³⁵.

Однако у Алексеева читаем другое:

«Не нашед архиерея, застали только брата его, воскресенского архимандрита, коего били и допросились, что архиерей поехал в Донской монастырь, а оттуда хотел-де уехать в Воскресенский»³⁶.

По всей видимости, архимандрит Никон действительно пострадал от восставших, но крайне маловероятно, что он мог выдать местопребывание архиепископа Амвросия: из вышеприведённых слов его племянника видно, что планы составлялись ими буквально «на ходу», по обстоятельствам, так что оставшийся в Чудовом монастыре архиерейский брат просто не мог их знать.

Итак, Чудов монастырь был разгромлен и разграблен бунтующей толпой. Алексеев:

32 *Алексеев П. А., прот.* Описание московского бунта 1771 года. С. 911.

33 *Куприянов И. К.* Материалы для истории чумы в Москве. С. 259.

34 Высочайшая собственноручная письма. С. 84–85.

35 *Куприянов И. К.* Материалы для истории чумы в Москве. С. 260.

36 *Алексеев П. А., прот.* Описание московского бунта 1771 года. С. 911.

«Злодеи грабили монастырь без пощады, особливо в кельях архиерейских расташили, что кому попало, и продолжали оное грабительство целые сутки... с великим буянством нося оттуда книги, деньги, платье, картины, посуду всякого рода, постели, в том числе и венцы с образов, сосуды священные, панагии, пелены и прочее»³⁷.

Ещё более печальную картину описывает Бантыш-Каменский:

«Верхние и нижние архиерейские кельи, и те, где я с братом имел квартиру, экономские и консисторские и все монашеские, также и казенная палата со всем, что в оной не было, разграблено; окна, двери, печи и все мебели разбиты и разломаны; картины, иконы, портреты, даже и в самой домовой архиерейской церкви с престола одеяние, сосуды, утварь и самый антиминс в лоскутки изорваны и ногами потоптаны были. <...> Тому же жребию были подвержены наши библиотеки и бумаги. Наконец, какое было зрелище, когда разбиты были чудовские погреба, в наем Птицыну и другим купцам отданные с французской водкой, разными винами и аглицким пивом. Не токмо мужчины, но и женщины приходили тут пить и грабить... в целые сутки разграблен и расхищен был Чудов, и никто помощи дать не мог»³⁸.

С неожиданной стороны представляет ситуацию автор анонимного письма, рассказывая о разгроме Чудова монастыря:

«Видно были и раскольники: в кельях архиерейских картины живописные прорезаны, другие части повырезаны, глаза выколаны, а старинные все побраны»³⁹.

Еропкин в рапорте пишет кратко:

«Ожесточение предписанных злодеев так было чрезвычайно, что они не только кельи архиерейские, но и его домовую церковь, как иконостас, так и всю утварь, совсем разграбили»⁴⁰.

Крайне странный момент во всех этих свидетельствах – разграбление домового храма московского архиерея. Прежде всего, такие преступления расценивались как «святотатство» (воровство святынь), являлись не только серьёзным преступлением, за которое следовало суровое наказание, но и тяжким грехом, а потому и встречались крайне

37 Алексеев П. А., *прот.* Описание московского бунта 1771 года. С. 911.

38 Куприянов И. К. Материалы для истории чумы в Москве // Указ. соч. С. 260.

39 Там же. С. 264.

40 Высочайшая собственноручная письма. С. 94.

редко. Бывало, что посягали на священные сосуды и прочую утварь, сделанную из драгоценных металлов, однако воровство икон в то время не было распространено. По некоторым воспоминаниям, обычно это совершали старообрядцы, которые крали особенно ценимые ими образы «старого письма», что подтверждает правоту предположений анонимного автора.

Разграбление Чудова монастыря пытался прекратить бригадир Фёдор Иванович Мамонов, что указывается во всех источниках. Свидетелем этого происшествия был о. Петр Алексеев:

«После обедни по усердию своему приехал с двумя лакеями верховыми Фёдор И. Мамонов к Чудову монастырю с задних ворот (чему я был самовидец) и, оставив с лошадьми одного лакея, с другим пошел в монастырь и, побывши там минут с 5, опрометью выбежал из ворот, а в него метали из монастыря камни и поленья. Он сперва оборонялся пистолетами, а потом шпагой; но увидев превосходную силу, побежал к Никольским воротам, а его били вдогонку, чем ни попало, однако еще с ног не свалили, покамест один бунтовщик не ударил его большим камнем по голове, от которого удара Мамонов упал на землю, и тут лежащего несколько поколотили же. Люди, подхватив полумертвого господина, на руках отнесли за Никольские ворота к гауптвахте...»⁴¹

Об этом происшествии упоминает и Еропкин, отмечая, что Мамонов приезжал «для увещевания»⁴². Бантыш-Каменский дополняет эту историю красноречивой подробностью:

«Фёдор Иванович Мамонов приехал на обахту просить хотя десять солдат, с коими мог бы всех выгнать из Чудова; но капитан отозвался на это неимением указа; и так он до тех пор дрался с чернью в Чудове, пока и сам почти до смерти не был прибит камнями»⁴³.

Что интересно: ключарь Успенского собора Кремля наблюдает попытку бригадира Мамонова восстановить порядок. Мамонов приезжает «после обедни», – таким образом, пока пьяная толпа громит Чудов монастырь и архиерейские покои, в кремлёвских соборах обычным порядком совершаются богослужения. Итак, гнев толпы направлен не против Церкви и духовенства вообще, но именно против московского

41 Алексеев П. А., *прот.* Описание московского бунта 1771 года 15 сентября // Указ. соч. С. 911–912.

42 Высочайшие собственноручные письма. С. 88.

43 Куприянов И. К. Материалы для истории чумы в Москве // Указ. соч. С. 260.

архипастыря. Маловероятно, конечно, чтобы бригадир с командой из 10 солдат мог бы выгнать бунтующих из монастыря – но писавший это Н. Н. Бантыш-Каменский был несколько наивен и сильно недооценивал бунтовщиков, по его же собственному признанию: ещё 15-го вечером он «и не вообразал, чтобы на Чудов было нападение»⁴⁴. Запереться в монастыре в любом случае не вышло бы, о чём Николай Николаевич не знал: накануне вечером мятежники выломали ворота. Характерно поведение офицера на гауптвахте: вероятно, оно вызвано страхом толпы и боязнью бессмысленной потери своих людей, однако поводом не отправлять солдат на усмирение бунтующих становится «неимение указа». Таким образом, становятся понятны указания о. Петра и Николая Николаевича о бездействии городского начальства и властей (при этом оба они делают оговорку «кроме Еропкина»).

События начала последнего для архиепископа Амвросия утра 16 сентября лучше всего восстанавливать по рассказу Николая Николаевича Бантыш-Каменского, который был вместе со своим дядей до того момента, когда толпа бунтовщиков вломила в Донской монастырь. Архиерей и его племянник узнали о случившемся с Мамоновым «через посланного в Чудов из Донского одного служителя. В таком случае не оставалось нам ничего иного делать, как поскорее удалиться из города; мы бы тотчас и уехали, но без билета никто из города не был выпущен. Владыка приказал мне немедленно дать знать о сих горестных обстоятельствах письменно г. Еропкину... что посланная с общего их согласия к Варварским воротам для известного дела команда от представленных у Варварских ворот батальонных солдат разбита, что устремившаяся на Чудов чернь, хотя везде искала его убить, но особливим Божиим провидением... спасся, и что угрозы рассвирепевшей черни принуждают его искать убежища выездом из города». Окончание письма состояло в просьбе, «чтоб дан был ему билет для свободного из города выпуска, и чтоб Чудов монастырь с чудотворцем и оставшейся братией принял он в свое призрение, а также, чтоб о таком плачевном его состоянии благоволил в С.-Петербург представить»⁴⁵. Следует отметить, что Н. Н. Бантыш-Каменский называет «общим согласием» посланную к Варварским воротам команду, фактически делая Еропкина соучастником своего дяди. С другой стороны, указание на участие в бунте солдат из полицейского батальона делает Еропкина косвенным виновником произошедшего, поскольку эта часть была под его командованием

44 Куприянов И. К. Материалы для истории чумы в Москве // Указ. соч. С. 259.

45 Там же. С. 260–261.

и он набирал в неё людей. Учитывая окончание письма, архиепископ фактически самоустраняется и бросает на произвол судьбы как свою паству, так и подчинённое ему духовенство. Даже Чудов монастырь с братией он вверяет «призрению» генерал-поручика! В то же время это письмо фактически развязывает Еропкину руки в отношении действий против мятежников: с формальной точки зрения, теперь он исполняет просьбу московского архипастыря. Поскольку генерал-губернатор на месте отсутствует, принятие решения о том, что делать с бунтующими, ложится на генерал-поручика.

«Вместо билета прислан был от г. Еропкина конной гвардии офицер, чтоб владыка поскорее выехал из Донского монастыря и чтоб переоделся, дабы его не узнали. Сказав сие, побежал от нас, дав знать, что он нас ожидать будет в конце сада князя Трубецкого, и оттуда велит проводить на Хорошево в Воскресенский монастырь, куда имел намерение владыка уехать. Между тем как владыка переодевался и пока сыскали платье, заложили кибитку и делали к пути приготовление, услышали шум, крик и пальбу около Донского монастыря. Чернь, отбив карантины и Данилов монастырь и другие карантинные дома, спешила к Донскому монастырю. <...> Уже была подвезена кибитка, в которую лишь только хотел владыка, передевшись в простое поповское платье, сесть и уехать из монастыря, как вдруг начали убийцы ломать монастырские со всех сторон ворота»⁴⁶.

Петр Алексеев говорит о том, что мятежники послали отряд к Донскому монастырю, когда узнали от брата архиерея, куда тот уехал, «другие же пошли для распущения людей из карантинных, коих и распустили»⁴⁷. Анонимный автор со слов архимандрита Донского монастыря рисует совсем другую картину:

«Сказывал нам отец архимандрит донской: покойный Преосвященный на 16 число в 9 часу прибежал к нему и писал к Еропкину дать билет, чтоб ему бежать в Воскресенский монастырь. Той прислал к нему офицера проводить его до заставы, и сказывал офицер, что Чудов разграблен. Вот тут преосвященный и оробел и не поехал далее, говорил: “Тут меня где-нибудь скройте, – може-де у них все дороги захвачены караулом”. Поутру, сняв с себя панагию, отдал ее отцу архимандриту и, сняв свое платье, оделся в простое монашеское,

46 Куприянов И. К. Материалы для истории чумы в Москве // Указ. соч. С. 261.

47 Алексеев П. А., прот. Описание московского бунта 1771 года 15 сентября // Указ. соч. С. 911.

выисповедовался, пошел к обедне, и во время каноника сказано, что злодеи монастырь окружили и врата монастырские ломают»⁴⁸.

Итак, Еропкин прислал не билет, но даже офицера (вероятно, гвардейца) для сопровождения Преосвященного, – таким образом, сделал даже больше, чем просил архиерей. Архиепископ Амвросий переоделся (либо в «поповское», либо в монашеское) и отдал свою панагию архимандриту приютившего его Донского монастыря. Последнее выглядит несколько странно: видимо, Преосвященный отдавал её для сохранения, но нетрудно предположить, что сделали бы мятежники с монахом, у которого нашли панагию. К тому же, по всей видимости, московская чернь не слишком хорошо знала архиерея в лицо. Учитывая, что Еропкин оценивает численность ворвавшейся в Донской толпы «злодеи до трех сот», в монастырь пошли не все мятежники, а некоторая часть бунтующих; а «пальба» и выламывание ворот монастыря делают очевидными недобрые намерения штурмующих. Поскольку между Даниловым и Донским монастырями сравнительно небольшое расстояние, к ним действительно могли присоединиться мятежники, разгромившие карантин в Даниловой обители. В остальном слова Бантыш-Каменского о том, что они замешкались и не успели уехать, по всей вероятности, более достоверны, к тому же и сопровождающий офицер остался ждать Преосвященного, хотя и не в монастыре.

Мятежники стали ломиться в Донской.

«Все, кто ни был в монастыре, искали себе спасения. Владыка, с никольским архимандритом Епифанием, пошел прямо в большую церковь, где пели обедню. Рассеявшаяся по монастырю чернь, состоящая из дворовых людей и фабричных и разночинцев, имея в руках рогатины и всякие убийственные орудия, искала везде архиерея. Всех, кто им тут не попадался, били, домогаясь ведать, где скрылся архиерей. <...> Сведали наконец они, что архиерей в церкви, а я скрылся в бане. <...> Злодеи, ворвавшись в церковь, ожидали конца обедни, страдалец, из алтаря увидев, что народ с орудием и дрекольями вошел в церковь, исповедался у служащего священника и, приобщившись Святых Таин, пошел на хоры позади иконостаса»⁴⁹.

У Алексеева:

«Во время Литургии отделенные бунтовщики, пришед к Донскому монастырю, видно что по подвоху, взошли во оный и напали, вылома

48 *Куприянов И. К.* Материалы для истории чумы в Москве // Указ. соч. С. 263–264.

49 Там же. С. 261–262.

двери южные алтарные, на служащего дьякона и бив его спрашивали: где архиерей, и казначея же больно били: как тебе-де не знать, где архиерей спрятался, у тебя ключи от церкви. <...> А Преосвященный до входу их в церковь исповедовался и Св. Таин на Литургии приобщился, и взошел на палаты или хоры, что за иконостасом в алтаре, на четвёртый ярус, а за ним Епифаний Могилеанский из Киева, архимандрит, туда же вбежал, и там сидели»⁵⁰.

Анонимный автор подтверждает то же; ранее он уже говорил, что Преосвященный исповедался и пошёл к обедне ещё до штурма монастыря:

«Тут зараз причастился Святых Таин и побежал на перилы с архимандритом киевским Епифанием; и заперли их там; но вскоча те злодеи в церковь и во алтарь били ризничного, который и помре после, и спрашивали, где Преосвященный»⁵¹.

По всей видимости, архиепископ Амвросий понял, что близится его смертный час, и успел подготовиться к смерти так, как это подобает православному христианину. Всё описываемое действительно происходило поутру; однако, поскольку ни один из авторов не упоминает о том, что архиерея причастили запасными Дарами, Литургия близилась к завершению. По всей видимости, Литургию в соборе монастыря служил один священник, у которого и исповедался архиерей. Учитывая, что он успел и исповедаться, и причаститься, кажется наиболее достоверной парадоксальная картина, описанная у Бантыш-Каменского, когда вломившаяся в церковь вооружённая толпа, пришедшая расправиться со своим архиереем, ожидала окончания Литургии! Однако вскоре бунтовщикам надоело ждать, и они нарушают неприкосновенность храма: выламывают южные двери и с побоями допытываются у находящихся в храме и алтаре, где архиерей. Указываемый архимандрит Епифаний Могилеанский – это весьма известный проповедник елизаветинского времени, с 1769 г. – архимандрит Киевопустынно-Николаевского монастыря (его брат Арсений, также знаменитый проповедник, пользовался уважением императрицы Елизаветы, с 1757 г. до самой своей кончины в 1770 г. был митрополитом Киевским⁵²). Можно предполо-

50 *Алексеев П. А., прот.* Описание московского бунта 1771 года 15 сентября // Указ. соч. С. 912.

51 *Куприянов И. К.* Материалы для истории чумы в Москве // Указ. соч. С. 264.

52 См.: Арсений (Алексей Могилеанский) // Энциклопедический словарь Брокгауза и Ефрона. Т. 2. СПб., 1890. С. 173.

жить, что архимандрит Епифаний приехал в Москву искать себе места при помощи архиепископа Амвросия, однако известно, что скончался он архимандритом того же киевского монастыря в 1787 г.⁵³ До революции во многих соборах с обратной стороны иконостаса были сделаны узкие балконы-хоры; высокий иконостас позволял сделать их многоярусными. На них мог стоять хор, однако чаще эти места занимали особенно уважаемые прихожане и представители властей, присутствовавшие на богослужениях; стоя на этих хорах, они могли видеть происходящее в алтаре, а за спиной у них была обратная сторона иконостаса.

Обыскивая монастырь, мятежники нашли Н. Н. Бантыш-Каменского:

«Одна партия нашла меня в бане. <...> Поднятые на меня смертные удары отражены были часами и табакерками, при мне находившимися. Просил я их о неучинении мне зла, вдвое того просили, не знаю еще какие сторонние, называя меня по имени и приписывая мне имя доброго и честного человека, в числе коих был и подъячий наш. Красного меня потащили из бани и встретившаяся другая злодейская партия лишила бы меня жизни (хотя я две и получил от них контузии), если б первые мои злодеи не приняли меня под свое защищение»⁵⁴.

Петр Алексеев описывает ситуацию немного по-другому: казначей монастыря, когда его били, «показал на племянника архиерейского, в бане крившегося, что не знает ли разве он, который, хотя побит несколько, однако табакерками золотыми и часами их удовольствовал, и тем от смерти избавился»⁵⁵. Надо сказать, что по некоторым источникам те самые часы, которыми Николай Николаевич откупился от бандитов, отдал ему дядя прямо перед своей гибелью⁵⁶, – видимо, тогда же, когда и панагию Донскому архимандриту. Нужно сказать, что побои толпы не прошли бесследно для Н. Н. Бантыш-Каменского, ставшего впоследствии управляющим Московским архивом Государственной коллегии иностранных дел и одним из виднейших русских архивистов. По воспоминаниям Ф. Ф. Вигеля:

53 См.: *Евгений (Болховитинов), митр.* Словарь исторический о бывших в России писателях духовного чина Греко-Российской Церкви. М., 1995. С. 100.

54 *Куприянов И. К.* Материалы для истории чумы в Москве // Указ. соч. С. 262.

55 *Алексеев П. А., прот.* Описание московского бунта 1771 года 15 сентября // Указ. соч. С. 912.

56 См.: *Пыляев М. И.* Старая Москва. Рассказы из былой жизни первопрестольной столицы. СПб., 1891. С. 14.

«Наш начальник имел несчастье лишиться слуха от побоев разъяренной черни, когда она, во время чумы... убила своего мудрого архипастыря»⁵⁷.

Однако вернёмся ко времени, предшествовавшему главной трагедии бунта. Алексеев:

«Крамольники, обыскивая в алтаре, под престолом и под жертвенником, усмотрели дверь у вихода на те хоры, запертую замком, и сбив оный, побежали вверх и ощутя сперва Епифания, закричали: здесь! Здесь он! Однако знающие из них оспорили: это не он, и пошли выше на хоры. И один детина лет 12 вдруг взвизгнул: Вот он здесь! Откуда ругательски его стащили, и как свели в церковь, архиерей просил, чтоб допустили его приложиться к образу Пресвятой Богородицы Донской, к чему они и допустили. Потом за волосы потащили из церкви. Выволокли же на паперть, один из злой шайки буйный мужик ударил в висок архиерея, но иные закричали на того: не бей здесь, погоди. А св. владыку допрашивали: Ты ли послал грабить Богородицу? Ты ли не велел хоронить покойников у церквей? Ты ли присудил забрать нас в карантин? И кто с тобой в этой думе заодно? А всё то ведши сквернословили ту особу...»⁵⁸

Почти в тех же словах, но без подробностей, рассказывает эту ситуацию анонимный автор:

«Под жертвенником и везде искали; потом, сбив от перил замок, пошел там, сыскали его; а архимандрита не было»⁵⁹.

Бантыш-Каменский не сообщает никаких подробностей о поисках архиерея, описывая только свою последнюю встречу с дядей на паперти:

«Едва взошел я с ними (злодеями) на церковную паперть, как вдруг увидел провожаема из церкви с криком и шумом радостным покойного страдальца. Роковая встреча! Злодеи мои, вскричав: "Вот он!", бросили меня полумертва»⁶⁰.

Судя по всему, несмотря на побои, монастырское духовенство и братия не выдали своего архиерея, и бунтующие нашли его на хорах по несчастливой случайности. Следует снова отметить парадоксальное

57 Вигель Ф. Ф. Записки. С. 35.

58 Алексеев П. А., *прот.* Описание московского бунта 1771 года 15 сентября // Указ. соч. С. 912–913.

59 Куприянов И. К. Материалы для истории чумы в Москве // Указ. соч. С. 264

60 Там же. С. 262.

поведение толпы, старающейся придерживаться православных традиций и в то же время решившей убить архиерея. Сперва ему дают приложиться к монастырской святыне, снисходя к его просьбе, – потом за волосы тащат из церкви; мужику, ударившему архиерея на паперти, говорят: «Подожди!» – чтобы не проливать крови в монастыре. Из вопросов, заданных архиерею, видны основные претензии толпы: прежде всего спрашивают об «ограблении Богородицы», прочие же претензии – о противочумных мерах, предпринятых по прямому указанию императрицы⁶¹.

«Злодеи, вменяя за грех осквернять монастырь, а паче церковь, кровью, вывели страдальца в задние монастырские ворота (где колокольня), и у самой рогатки сначала делали ему несколько вопросов, а потом мучительским образом до тех пор били и терзали его, пока уже увидели умирающа. Спустя четверть часа скончался новый московский мученик»⁶², – так описывает смерть дяди Бантыш-Каменский. Больше ужасных подробностей последних минут архиепископа находим у о. Петра Алексеева:

«Выволокше же из монастыря сажен десять или больше от ворот... били смертельно с надруганиями близ двух часов; убивши же до смерти отступили мало, скверня языками своими воздух; присмотря же, что одна рука правая отмашкой двинулась, с чего принялись паки бить кольями по голове; отступивши же несколько, увидели, что пожался тот священный страдалец раменами, то и третично били, дондеже один какой-то церковник... последним довершил ударом, отрубя несколько от главы, коя часть над глазом осталась висящей. <...> Повержены мощи достойно почитаемого человека на пути, обогренив кровью, близ будки что у задних монастырских врат»⁶³.

Что касается убийц Преосвященного, то Николай Николаевич называет «два главнейшие – холоп Раевского и целовальник, но они не одни – многие были»⁶⁴.

Тем временем Петр Дмитриевич Еропкин уже собирал силы для подавления бунта.

«Я, видя злключительное состояние города, послал тотчас ко всем здесь находящимся гвардии офицерам с командами, объявляя им

61 См.: Высочайшая собственноручная письма. С. 2–6.

62 Куприянов И. К. Материалы для истории чумы в Москве // Указ. соч. С. 262.

63 Алексеев П. А., прот. Описание московского бунта 1771 года 15 сентября // Указ. соч. С. 913.

64 Куприянов И. К. Материалы для истории чумы в Москве // Указ. соч. С. 263.

Высочайший Вашего Императорского Величества указ, чтоб они мне повиновались, отправя в тож самое время нарочного к генерал-фельдмаршалу (П. С. Салтыкову) в подмосковную, и Великолуцкий полк ввел в город, дав свою диспозицию обер-полицмейстеру, в каких местах занять посты для истребления злодеев»⁶⁵.

Судя по всему, приняв командование над военными, находящимися в городе, прошедший Семилетнюю войну генерал-поручик почувствовал себя в своей стихии. Значительная часть Великолуцкого полка уже находилась в городе, а гвардейские офицеры, находящиеся в Москве, были присланы императрицей именно в помощь Еропкину⁶⁶.

Дальнейшее развитие событий может вызвать только изумление от проявления величайшей храбрости П. Д. Еропкиным:

«Соединя к командам гвардии за раскомандированием оставших пятьдесят человек Великолуцкого полка и набрав не более ста тридцати человек, причем были некоторые из статских для смотрения, что с корпусом, мною предводительствуемым, случится, пошел, где была не одна тысяча пьяных, разоряющих архиерейский дом и погреб купеческие, под монастырем Чудовым состоящие, производя такую наглость, что в Кремле и проехать никому не было возможно»⁶⁷.

Итак, сначала были выставлены караулы по городу, и уже из тех, кто остался (кроме гвардейцев), была сформирована команда для усмирения бунтовщиков, находившихся в Чудовом монастыре и Кремле. В успехе своей команды Петр Дмитриевич и сам был не вполне уверен, поскольку взял с собой несколько штатских именно в качестве наблюдателей (вероятно, чтобы в случае поражения отряда они могли уцелеть с большими шансами, чем солдаты и офицеры в мундирах). Следует заметить, что толпа, громившая Чудов, была пьяна (вспомним разбитые погреб купца Птицына), что в разы повышало опасность для отряда генерал-поручика.

Надо отдать должное: поначалу П. Д. Еропкин попробовал договориться с мятежниками:

«Хотя увещевал я зверствующих, посылая к ним здешнего обер-команданта, генерал-поручика Грузинского царевича, но они встретили его камнем... сия дерзость заставила меня действовать ружьем и сделать несколько выстрелов из пушек, и истреблять злодеев

65 Высочайшая собственноручная письма. С. 86.

66 См.: Там же. С. 53–54.

67 Там же. С. 87–88.

мелким ружьем и палашами; их в Кремле пало человек не меньше ста, да взято под караул двести сорок девять человек, и хотя они от того усташась разбежались, но и вчерашний день (17 сентября) на Варварской улице и против Красной площади несколько шаек народу было»⁶⁸.

Итак, весьма небольшой отряд Еропкина взял Кремль и Чудов монастырь, очистив их от мятежников, хотя бой был достаточно ожесточённый: указание на палаши означает, что дошло до рукопашной. Позже, в рапорте от 22 сентября, Еропкин укажет точное число погибших бунтовщиков: 78 человек⁶⁹. Потери команды Еропкина составили 19 человек раненых, из них 1 умер⁷⁰, однако в ведомости по каким-то причинам отсутствует Великолуцкий полк. В том же рапорте Еропкин пишет императрице, что распущенные от восставших больные, находившиеся в карантине в Даниловом монастыре, сами начали добровольно возвращаться в карантин⁷¹.

Священник Петр Алексеев ничего не говорит о взятии Чудова монастыря и Кремля, вместо того описывая попытку черни снова взять Кремль.

«На 17 число, в память царевны Софьи, любившей такие потехи, проклятая чернь снова собралась около Варварских ворот, и как только смерклось, то ударили в набат на колокольнях и пошли многочисленнее прежнего к Кремлю с тем, чтоб убить Еропкина и других кого-то. Какой крик и гам поднялся от сей нечестивой скотины, что и набатные колокола заглушить не могли! Г. Еропкин... встретил их против голичного ряда (где продавались кожаные изделия. – П. Л.) с командой военной и с пушкой...»⁷²

Далее он также указывает о тщетных попытках образумить толпу словесно:

«А как увещевание бесчувственным людям стало тщетно, то велено по них выстрелить холостыми зарядами, из пушки пыжом, чем злодеи больше рассвирепевше вдруг бросились на солдат с дубьем и камнем, и обратили было в бегство команду, и насилиу увезена пушка

68 Высочайшая собственноручная письма. С. 88–89.

69 См.: Там же. С. 107.

70 Там же. С. 117.

71 См.: Там же. С. 109.

72 Алексеев П. А., *прот.* Описание московского бунта 1771 года 15 сентября // Указ. соч. С. 914.

к Спасским воротам помощью примкнутых штыков. Но подоспевший в ту пору Великолуцкий полк... подкрепил команду, и приказано уже стрелять по мятежникам вправду картежами и пулями, чем повалили так много черни, что считают до тысячи убитых, да несколько раненых ушли, а до двух сот наловлено разбойников и святотатцев, и посажено в погребах кремлевских, а скверных их звонарей от набатных колоколов никак нельзя было оттащить, дондеже солдаты с колоколен на штыках их не снесли»⁷³.

А тем временем тело покойного московского архипастыря лежало там, где его бросили убийцы. У племянника его говорится:

«И тело избитое и обагренное кровью лежало на распутии день и ночь целую, пока синодальной конторы члены через полицейскую команду заблагорассудили поднять»⁷⁴.

У Алексеева:

«Однако никто через два дня не смел отдать долга христианского, и с соболезнованием об нем выговорить слова явно»⁷⁵.

Но самое, пожалуй, ценное свидетельство принадлежит анонимному автору:

«Правда, что мы от жалости, забыв страх, подняли поверженное тело: где иные плакали, а другие на нас зубами своими скрежетали. Старика Донского едва уговорили, чтоб тело принял в монастырь: боялся, чтоб ему за то не отомстили злодеи»⁷⁶.

Донской архимандрит не попался злодеям, когда толпа мятежников искала архиерея в его монастыре: он удачно спрятался в алтаре нижнего храма⁷⁷ под лавкой⁷⁸, – однако его келья была совершенно разграблена и имущество растащено.

Итак, даже после смерти архиепископа Амвросия ненависть к нему в народе была столь велика, что его тело не сразу осмелились поднять

73 Алексеев П. А., *прот.* Описание московского бунта 1771 года 15 сентября // Указ. соч. С. 915.

74 Куприянов И. К. Материалы для истории чумы в Москве // Указ. соч. С. 262–263.

75 Алексеев П. А., *прот.* Описание московского бунта 1771 года 15 сентября // Указ. соч. С. 913.

76 Куприянов И. К. Материалы для истории чумы в Москве // Указ. соч. С. 265.

77 См.: Там же. С. 264.

78 См.: Алексеев П. А., *прот.* Описание московского бунта 1771 года 15 сентября // Указ. соч. С. 914.

из страха перед бунтующими. Для завершения картины следует привести также надпись, сделанную в разгромленных покоех архиерейского дома, по свидетельству Н. Н. Бантыш-Каменского:

«По разорению Чудова и по учиненном пастырю убийстве, написали попы на воротах железных надверную надпись: “И память его с шумом погиге!”»⁷⁹

На ту же надпись – «Погибе память его с шумом» – как сделанную на стене в кельях покойного владыки указывает анонимный автор⁸⁰. Фраза является цитатой из 9-го псалма, так что предположение Николая Николаевича является вполне обоснованным.

Итак, в завершение можно сделать следующие выводы из всего вышесказанного. 15–16 сентября 1771 г. в Москве на фоне нарастающей смертности от распространяющейся эпидемии разразился бунт, в котором приняли участие представители различных слоёв городского общества. Простому народу были непонятны меры, предпринятые против распространения болезни⁸¹, что вызвало озлобление наиболее непросвещённого населения и сопротивление действиям властей. В городе процветали суеверия, поддерживаемые и распространяемые духовенством в корыстных целях, чему пытался противостоять Московский архиепископ Амвросий (Зертис-Каменский). Недовольство народа персонифицировалось на Преосвященном (в том числе потому, что о распоряжениях властей жителей информировали священники в приходских церквях) и генерал-поручике Петре Дмитриевиче Еропкине, который проводил в жизнь указания императрицы и Сената по противодействию болезни, будучи ответственным за «надзирание здравия всего города».

Поводом к бунту послужила попытка архиепископа опечатать ящики денежного сбора у Боголюбской иконы Божией Матери на Варварских воротах Китай-города, где совершались массовые богослужения, чему воспротивились представители духовенства и полиция. В результате народных возмущений под девизом «Грабят Богородицу!» были разгромлены Чудов монастырь в Кремле, архиерейский дом, частично пострадал Донской монастырь и был убит московский архиепископ. Восстание было подавлено принявшим на себя командование

79 Куприянов И. К. Материалы для истории чумы в Москве // Указ. соч. С. 263.

80 См.: Там же. С. 264.

81 Изоляция больных в карантинах, запрет на захоронения в черте города, закрытие общественных бань, опечатывание «рухольных» лавок и «ветошного» ряда и т. д.

генерал-поручиком П. Д. Еропкиным при помощи солдат и офицеров гвардии и Великолуцкого полка, причём против восставших были применены пушки (картечь) и ружейный огонь, однако дело дошло и до рукопашных схваток, в которых немногочисленные силы Еропкина одержали полную победу.

Указами императрицы от 5 ноября 1771 г., в ответ на прошение об отставке, генерал-поручик Петр Дмитриевич Еропкин был удостоен самой высокой награды Российской империи – ордена Андрея Первозванного, – а также двадцати тысяч рублей. С благодарностью приняв орден, от денег Петр Дмитриевич отказался. В отставку Петр Дмитриевич вышел в 1774 г. В 1786 г. он вернулся в Москву уже на должность главнокомандующего (градоначальника), на которой и пробыл до 1790 г. Скончался генерал-аншеф П. Д. Еропкин в 1805 г. и был похоронен в своём имении, в с. Успенском близ Калуги (ныне – с. Грабцево).

До революции при Варварских воротах Китай-города существовала часовня во имя Боголюбской иконы Божией матери, с чтимым образом; ворота были разобраны в 1934 г. при сносе Китайгородской стены.

Источники

Высочайшия собственноручныя письма и повеления блаженной и вечной славы достойной государыни императрицы, Екатерины Великия, к покойному Генералу Петру Дмитриевичу Ерапкину (sic! - *Ред.*) и всеподданнейшия его донесения, в трех Отделениях: собранныя и с Высочайшего дозволения в печать изданныя Коллежским Советником Яковом Ростом / сост. Я. И. Рост. М.: Унив тип., 1808.

Литература

Арсений (Алексей Могиланский) // Энциклопедический словарь Брокгауза и Ефрона. Т. 2. СПб.: Семеновская Типо-литография, 1890. С. 173.

Вигель Ф. Ф. Записки. М.: Захаров, 2000.

Евгений (Болховитинов), митр. Словарь исторический о бывших в России писателях духовного чина Греко-Российской Церкви. М.: Русский Двор; СТСЛ, 1995.

Забелин И. Е. История города Москвы. М.: Столица, 1990.

Куприянов И. К. Материалы для истории чумы в Москве и убиение архиепископа Амвросия 1771 года // Русское слово. 1860. Ноябрь. С. 247–272.

Алексеев П. А., прот. Описание московского бунта 1771 года 15 сентября, составленное протоиереем Петром Алексеевым // Русский архив. 1863. Вып. 12. С. 910–917.